БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЧАСЫ И СЕРДЦЕ

Т
Л 83 м.ч

М. ЛУГАНСКИЙ

ИЗДАНИЕ Г. Ф. МИРИМАНОВА. МОСКВА. 1924 г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из «научных сказок» Бюргеля.

- Михаил Луганский
  - ○

Михаил Луганский
ЧАСЫ И СЕРДЦЕ

Библиотека школьника

М. Луганский

Часы и сердце

Из „научных сказок" Бюргеля

Рисунки А. Ф. Андронова.

Издание Г. Ф. Мириманова

1 9 Москва 2 4

а кровати спал дородный мужчина. Разинув рот, он громко посапывал. Если не считать этих звуков, в комнате царила такая мертвая тишина, что слышно было жужжание мух. Они тянули хоботками капли пива, оставшегося в стакане, и прогуливались по крошкам хлеба, лежавшим на тарелке. Это не мешало им непочтительно танцевать на носу спящего, к которому они незваными напросились в гости.

Однако, и на груди и в груди спящего замечались признаки жизни.

Хорошенько прислушавшись, можно было различить отчетливое «тик-тик-тик-тик-тик-тик», а из глубины доносилось в ответ глухое «тук-тук-тук, тук-тук-тук». Это стучали карманные Часы и Сердце. Они находились близко друг около друга, и каждый делал свое дело.

— Наш хозяин спит, — говорило Сердце, — а мне нельзя спать, я никогда не сплю! Вздумай я уснуть — и мой хозяин уже не проснется!

— Что вы там, собственно, делаете в середке? — полюбопытствовали Часы.

— Я привожу в движение всю здешнюю механику. Я большой насос, я перекачиваю кровь, гоню ее по жилам моего хозяина. Да, это не шуточное дело! Остановись я хоть на минуту — и вы можете смело хоронить моего хозяина! Вот уж пятьдесят лет я

работаю без устали, но благодарности не вижу. Посудите сами: пятьдесят лет — это восемнадцать тысяч двести шестьдесят дней или больше четырехсот тридцати восьми тысяч часов. Прошло, стало быть, двадцать шесть миллионов минут с той поры, как родился мой хозяин, и все это время я безостановочно перекачиваю кровь по его телу. Если вы прислушаетесь, то без труда сосчитаете, что в каждую минуту я делаю семьдесят ударов. Значит, в пятьдесят лет я сделало тысячу восемьсот сорок миллионов биений, не позволив себе ни малейшего отдыха!

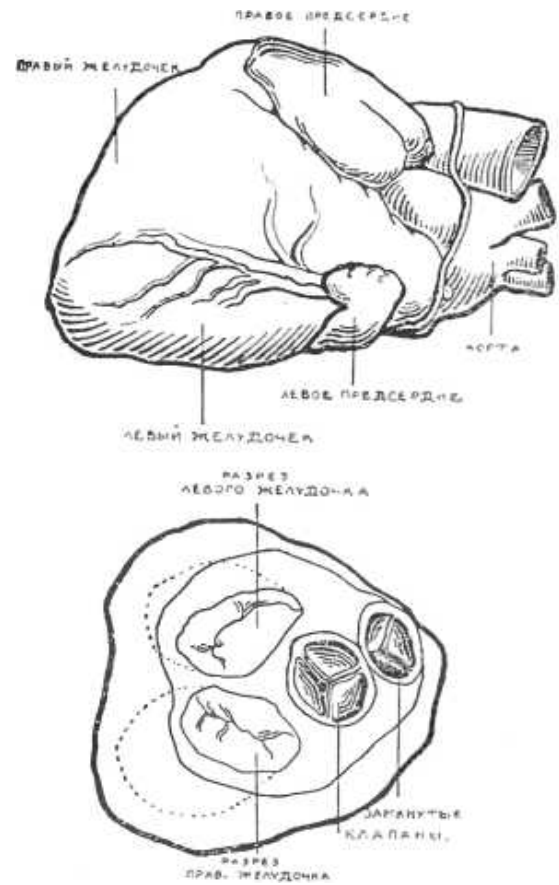
— Да, это работа, это сразу видно! — согласились Часы. — Это верная служба, и ваш хозяин должен бы вас щедро вознаградить.

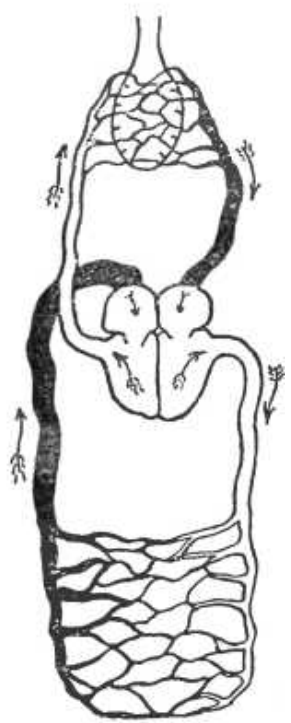
— А он еще недоволен! — ворчало Сердце. — Недавно он поднялся со мною в зной на высокую гору.

Он поднялся на высокую гору.

Это было ужас как трудно, я так напрягалось, что, казалось, вот-вот мне конец. Наконец, это сделалось невыносимо; я все быстрей работало, а он требовал от меня все больших усилий, и я пропустило *всего только один* удар. И что-ж бы вы думали? Мой хозяин разволновался и стал ругать свое «отвратительное сердце»! Вот неблагодарный! А если бы вы знали, товарищ, до чего сложно мое устройство! Очень жаль, что мой хозяин такой

грубиян; он наверное не согласится снять для вашего назидания кожу и мускулы, а то бы вы увидели много интересного. Вы узнали бы, что я состою из четырех камер: две верхние называются «предсердиями», а две нижние — «Желудочками». Между собою эти камеры соединены захлопывающимися дверцами — «клапанами». Кровь человеческого тела собирается из легких через сосуды, так называемые легочные «вены», в левое предсердие, а затем в левый желудочек, потом через большой сосуд, «аорту», в «артерии» и через мельчайшие разветвления этих артерий, волосные сосуды, так называемые «капилляры», разбегается по всему телу, омывая, или, как люди выражаются, «питая» его ткани. Из капилляров, по венам, кровь опять возвращается ко мне, в правое предсердие и затем в правый мой желудочек, а оттуда, по легочной артерии, опять в легкие, где она окисляется от соприкосновения с воздухом, которым человек дышит.





Круг кровообращения.

— Все, что вы сообщили мне, дорогой товарищ, чрезвычайно интересно! Мне только непонятны остались кой-какие слова. Так, например, вы упоминали о крови и о «тканях». Про «кровь» я слыхал: мой хозяин, когда сердится на меня, говорит, что я «порчу ему кровь» — это, стало быть, штука, которой хозяин очень дорожит. Я слыхал, что это красная жидкость, без которой люди не могли бы жит. Но вот, вы сказали, что кровь «омывает ткани». Это какие же ткани она омывает? Насколько мне известно, люди ткани носят на себе и омывают их не кровью, а горячей водою с мылом!

В Сердце что-то заскрипело и задрожало — это оно засмеялось.

— Друг мой, вы находитесь в заблуждении, — отвечало Сердце. — Ткани — это не «материи», из которых люди шьют себе платья. Это то, из чего строится живой человек и не только человек, а вообще все живое, в том числе и растения! Так, человеческое тело состоит из костей, а кости построены из «костной ткани», которая в свою очередь сложена из мельчайших частичек, костных «клеточек». А каждая такая клеточка — живое существо. Вместе они образуют ткань.

— Понимаю! — заметили Часы.

— Ну-с, возьмите теперь мускулы, или мышцы, как их еще называют. Эта «мышечная ткань» построена из бесчисленного множества клеточек — «мускульных клеточек». Каждая сама по себе — ничто, а вместе они образуют государство очень сильное, «мускульную ткань»! Пока каждая работает добросовестно — и вся ткань цела и здорова. Ну, а начнись между ними раздоры — и мне капут!

— Это выходит, в роде коммуны, что ли? — догадались Часы.

— Вот-вот, именно! — подхватило Сердце. — Каждая ткань — настоящая коммуна клеточек! Далее, возьмите «нервную» или «мозговую» ткань: без нее человек не мог бы думать, не мог бы чувствовать, не мог бы иметь воли, двигаться, — словом, был бы не живое существо, а мертвый чурбан!

— Вроде как наш брат без завода? — спросили Часы.

— Совершенно верно! Мозг у человека и животных — вроде пружины, хранящей в себе огромный запас силы, волевой и чувствительной, которая мало-помалу, в течение всей жизни, и расходуется.

— И много таких тканей у человека?

— Порядочно. Вот, например, кожа! Она покрывает все тело человека, и уже на эту кожу он и надевает те «ткани», из которых шьет себе одежду. Ну, а в глазу и во внутренностях человека имеется еще «соединительная», в роде перепонок, ткань. Да мало

ли их, тканей! Но штука не в этом. Штука в том, что всем этим тканям необходимо кормиться, питаться. А пища их заключается в крови! Все, что человек в себя вбирает через рот, желудок и кишки, в конце-концов попадает в кровь, а кровь по всему телу, по всем его тканям, перегоняю, перекачиваю не кто иной, как я. Выходит, что Сердце всему делу голова! Я — вот кто поддерживает жизнь человека!

— Вы не из металла ли? — спросили Часы.

— Нет, — отвечало Сердце, — и это счастье, иначе я бы давно уже погибло. Я сплошь из мускулов и перепонок, они держат лучше стали и железа.

— Ну, а когда починка? Когда вас относят к часовщику, который прочищает колеса и вставляет новые пружины — что делает в это время ваш хозяин?

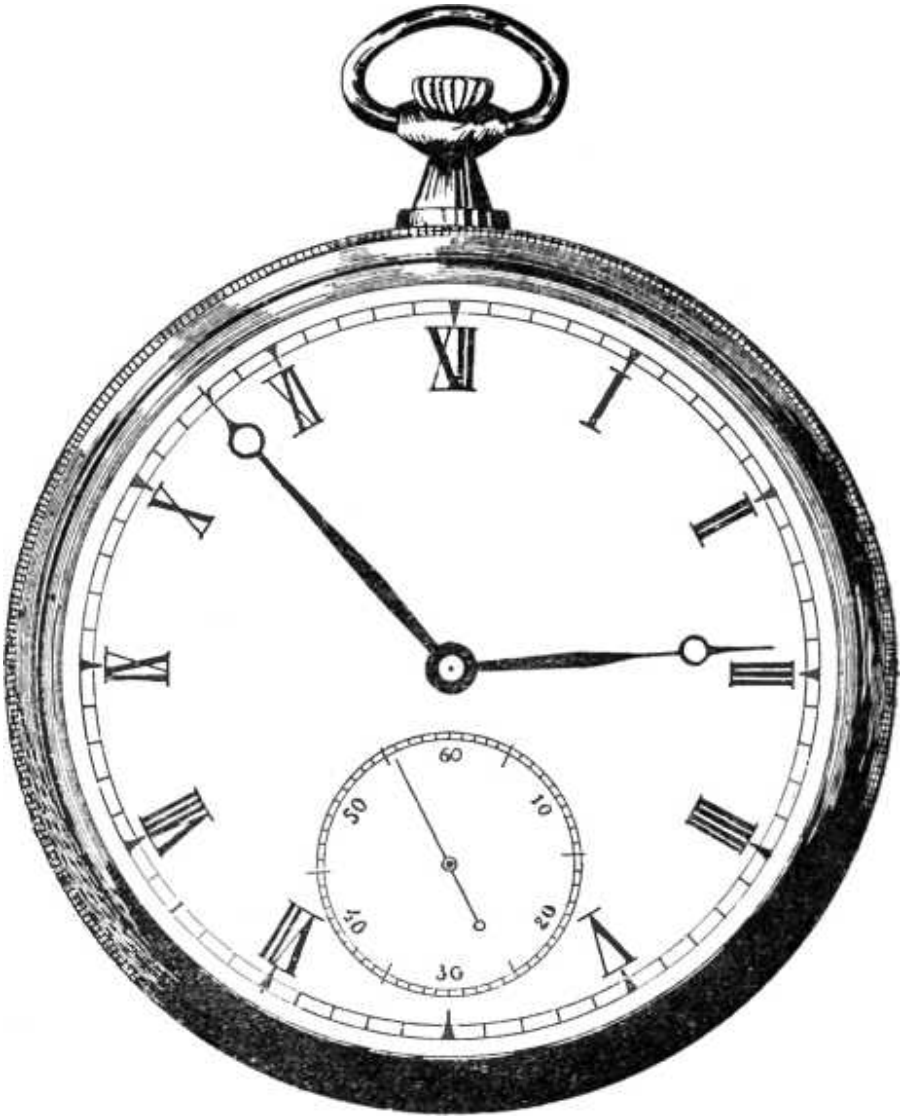
— В этом не бывает надобности, — ответило Сердце. — У меня нет ни пружин, ни колес, и я само себя починяю. Но однажды мой хозяин был со мной у одного человека, который умеет починять людей. На носу у него были большие очки, и он по-латыни сказал моему хозяину, в чем его беда. Потом он выслушал в трубку мои биения, и хозяину моему пришлось выпить большую склянку горьких капель. Желудок был страшно этим недоволен! Он утверждал, что эта история совершенно его не касается!

— Радуйтесь же, что вам не приходится иметь дела с часовщиком, — проговорили Часы. — Ах, какой это ужас! Вас разнимают по кусочкам, чистят вас щеточками, залезают железными крючками в ваши внутренности, скребут и режут. Хозяин мой заплатил три серебряных целковых — и ругался! А доктор объявил, что я старая перечница, и что у меня погнулся цилиндр.

Часовой мастер за работой.

— Что же, вы тоже качаете кровь? — воскликнуло Сердце.

— Избави боже! — испуганно воскликнули Часы. — Я из чистого золота, но не в этом суть. Это, ведь, внешность. Я живу богатой внутренней жизнью, во мне совершенно как на мельнице. Одно колесо вертит другое, и вся штука в том, чтобы быть точными. Точность — высшая вежливости, — говорит мой хозяин и ужасно злится, когда мне случается опоздать. Но я добросовестен — недаром же меня зовут хронометром, — и на другой день немного нагоняю. И что же? Это ему также не нравится! Поистине люди неблагодарны, и сами не знают чего хотят. А ведь и я, товарищ, устроен необычайно сложно, просто ума помраченье!



Циферблат часов.

— Очень жаль, что вы не можете выйти из вашей темницы, а то ведь меня рассмотреть очень легко: стоит только открыть заднюю крышку. Вы бы увидели, что моей существенной частью является пружина, крепко навернутая на вал или цилиндрик. Свободный конец ее соединен с системой колес, — а их таки не мало! Наиболее важных четыре: «большое» колесо, потом «центральное»; потом еще одно «передаточное» колесо, и, наконец, «спусковое». Между собою они соединяются при помощи зубчиков — все они, так называемые, «зубчатые» колеса. Передаточные зубчатки называются «шестернями». Когда меня «заводят», т. е. закручивают пружину, она начинает

раскручиваться и приводить в движение колеса. На оси этих колес сидят Стрелки, из которых одна движется в шестьдесят раз скорее часовой — это минутная, самая длинная. А ось секундной стрелки движется в шестьдесят раз скорее минутной. Для того, чтобы колеса вертелись равномерно, устроен «балансир» или маятник, который вращается то вправо, то влево. Так, вот у меня все и вертится, как на мельнице!

Механизм карманных часов.

— А что вы мелете на вашей мельнице? — спросило Сердце.
— Ничего не мелю, я делаю время.
— Время? — с изумлением воскликнуло Сердце, — это что за

штука?

— Как вам сказать, — проскрипели Часы. — В точности я сам не знаю, но это очень драгоценная вещь, потому что мой хозяин говорит: «Время — деньги!» А деньги, говорят, управляют миром. — Я играю в жизни очень важную роль. Меня носят наркомы и президенты и во всех важных делах со мной советуются. И все же, люди по отношению ко мне так же неблагодарны, как и к вам. Судите сами, я уже двадцать лет служу моему хозяину, а это, ведь, не фунт изюму съесть! В секунду я тикаю пять, а, стало быть, в чес восемнадцать тысяч раз, а в сутки четыреста тридцать две тысячи раз. В год это выйдет сто пятьдесят восемь миллионов раз! День и ночь работаю я непрерывно. Мой маятник, о котором я упоминал, не больше кольца на пальце моего хозяина; он вращается то в одну, то в другую сторону целые годы подряд и так быстро, что его едва можно разглядеть! Если бы пустить это колесо катиться вперед, то оно в сутки пробежало бы тридцать шесть верст, а в три года, пожалуй, обошло бы весь земной шар! Все части мои так нежны и так тонки, оси мои тонки, как волосок, и столь же тонки крохотные пружинки. Я не ем и не пью. Мне нужна только раз в несколько лет капля масла — и все же люди неблагодарны, и ничем на них нельзя угодить! Если бы я только мог, я пошел бы бродить по белу свешу, — но нет, приходится сидеть на цепи, как какая-нибудь дворняжка!

— У каждого свое горе, — решило Сердце. — Я должно следить за тем, чтобы внутри все шло своим порядком. В жилах моего хозяина четырнадцать литров крови — целых семьдесят стаканов! — и всю эту кровь я перекачиваю шестьсот раз в одни сутки! Это, смею сказать, работа. И вместо того, чтобы облегчить мне ее, мой хозяин положительно доводит меня до болезни своим пивом и курением! А отдельные члены тела? То в голове слишком много крови, и в ней начинается боль; а то мой хозяин садится так неловко, что притискивает свои жилы, и у него «засыпает» нога, по ней, как говорится, «бегают мурашки», потому что кровь не может протиснуться сквозь трубочки. А иногда руки получают слишком мало крови и зябнут. И во всем я виновато!

— А вот я, например, — заметили Часы, — живу в долголетней войне со Стрелками. Они воображают себя самой важной частью механизма — и только потому, что хозяин на них смотрит; но когда колеса не вертятся — стоят и Стрелки. Между собой они вечно дерутся. Малая толстая Стрелка постоянно злится, что тонкая и длинная ее перегоняет; иногда она зацепляет длинную за фалды и идет вместе с ней, так что вся музыка портится. Но хуже всего самая маленькая Стрелка, постоянно

бегающая по тесному кругу, как цирковая лошадь. Ей все хочется туда, к жирным черным цифрам, она то и дело цепляется за длинную тонкую Стрелку или от злости царапает циферблат, пока все они не останавливаются. Тогда мой хозяин с яростью берет меня в руки и постукивает о край стола так, что мне кажется, — внутренности вот-вот вылезут. Мало того, он еще бранится, говорит, что я «ни к черту не годная луковица», и если бы не был из золота, так он бы меня вышвырнул за окно!

— Тсс! — зашипело Сердце, — он просыпается!

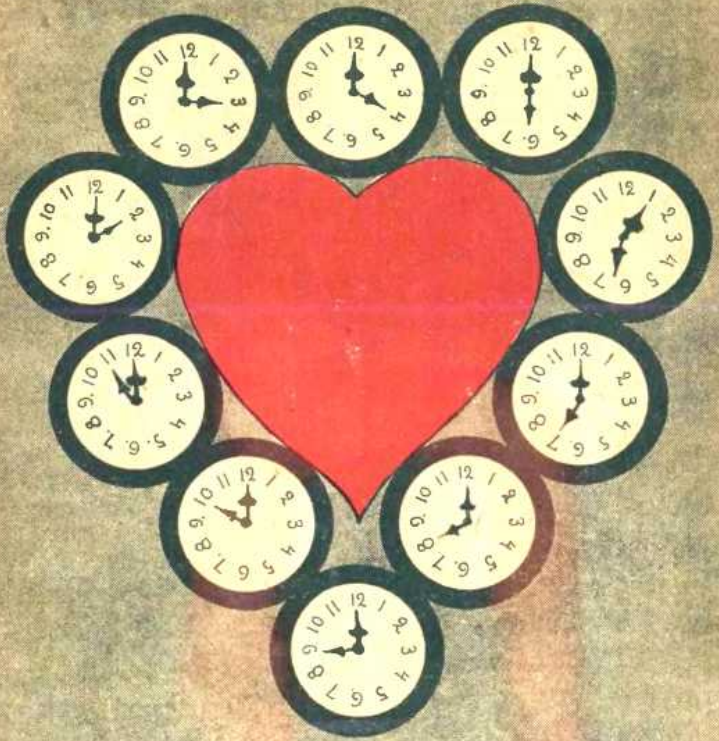
И действительно, он проснулся, громко зевнул и обеими ногами соскочил с кровати.

Он соскочил с кровати и вынул часы.

Он вынул часы. — Половина пятого, — промолвил он. — Будем надеяться, что старая перечница показывает верно.

— Да, да, — вздохнули Часы. — Неблагодарность — удел труженика!

№ 0672



Москва, Главлит № 22040. Тираж 10,000.
Типо-Лит. Н. С. Новыкова, Пансная д. 59. Тел. 1-81-74.